

ТАТЬЯНА ФИЛАТОВА

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

ВЫРВАННАЯ С КОРНЕМ ПРАВДА
НЕВЕДОМА ДАЖЕ ПРИЗРАКАМ

18+

Татьяна Филатова

Следы на снегу

«Автор»

2026

Филатова Т.

Следы на снегу / Т. Филатова — «Автор», 2026

Она открыла глаза и поняла, что с ней что-то произошло: в голове туман, на руках кандалы, а из-под ржавой кровати, на которой она сидит, раздается чей-то голос — голос такой же похищенной девушки, что правда, уже убитой...Маша думает, что сходит с ума, но с каждым днем, проведенным в том жутком, заброшенном доме, она понимает, что те, кто ее окружает — не плод ее затуманенного разума, а призраки убитых здесь до нее женщин, чьи тела по-прежнему находятся в том доме.Как сделать то, что не удалось предыдущим — как сбежать, когда каждое движение приносит боль? Как вырваться от того, кто называет себя ее братом, обещая притом больше никогда с ней не расставаться? И как раскрыть истину, когда она неведома даже призракам?

© Филатова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Следы на снегу

Пролог

Метель заметала все дороги, видимость была почти нулевой. Про такую погоду говорят: «Добрый хозяин собаку из дома не выгонит».

- Сережа, осторожнее, - причитала жена, что сидела на переднем пассажирском сиденье. – Не гони.

- Да какой тут гони! – негромко возмутился муж, по лбу которого от напряжения бежал пот. – Еле тащимся, ничего не вижу.

- Ванюша, у тебя все хорошо? – спросила женщина у сына-подростка, что сидел на заднем сиденье.

- Угу, - промычал тот, не отрываясь от телефона.

- Ой, хоть бы не занесло... - не успокаивалась взволнованная мать. – Хоть бы нигде не встрять. В такую-то погоду! И дернуло нас поехать именно сейчас!

- Не нас, а тебя, - изо всех сил стараясь сохранить самообладание, сказал Сергей. – Напомню, мы едем к твоим родственникам, не к моим. По собственной воле я в такую пургу, да еще и после праздников, и к своим-то не поехал бы, а тут теперь ради того, чтобы увидеть твою маму, я должен нервничать... Сидел бы сейчас...

- Ой, хватит тебе, праздники скоро закончатся. Не ворчи, - раздраженно ответила жена и вдруг стала всматриваться вперед. Ей показалось, что в сплошной снежной стене что-то промелькнуло. Что-то, отдаленно напоминающее человеческую фигуру. – Сережа, - негромко проговорила женщина, чуть ли не носом упираясь в лобовое стекло со стороны пассажира, - Сережа... - более тревожно произнесла она. – Сергей! – теперь уже громко закричала перепуганная жена Сергея, когда он нажал на тормоз, понимая, что они, кажется, сбили человека.

- Что это было?! – спросил супруг, пребывая в шоковом состоянии.

- Там женщина! – кричала ему жена, открывая пассажирскую дверь и выбираясь в чем есть, на дорогу.

Метель залепляла лица снегом, который попадал и в глаза, и в нос, мороз больно обжигал незащищенную кожу ледяным ветром. Ни мужчина, ни женщина не успели одеться – оба вышли без верхней одежды, что осталась лежать на заднем сиденье рядом с сыном, который даже отложил в сторону свой телефон, когда понял, что случилось что-то нехорошее.

- О Боже, Сережа, - причитала жена, - скорее, занеси ее в салон. Что же это такое! Как это может быть?! Откуда она здесь взялась?.. О Боже, это что – цепи?

Сергей поднял с заснеженной дороги молодую женщину в одной ночной рубашке, которая по совершенно непонятным причинам была все еще жива: с учетом тех погодных условий, она выглядела так, как выглядят только покойники, а на ее руках и на одной ноге были оковы с цепями. И все же жизнь теплилась в ней.

- Где ее держали? Как она не замерзла? – удивленно произнес Сергей.

- Как это не замерзла?! – взволнованно кричала жена, открывая заднюю дверь. – Ты только посмотри на нее! Ваня, быстро двигайся! Помогай! Скорее! Не видишь? – женщина умирает!

В сознании перепуганного подростка сперва пролетела эгоистичная, но вполне приемлемая для него мысль: с чего это вдруг он должен делиться своим пространством на заднем сиденье отцовской машины, но когда он увидел молодую женщину, которую отец спешил уложить в салон автомобиля, и то, как она выглядит, то стал всячески помогать родителям спасти ее. Ваня даже на какое-то мгновение испугался, что девушка мертва, видя ее бледные губы, ее белую кожу, ее изнеможенное тело, на котором была лишь ночная рубашка, однако то, как это

тело трясло, говорило о том, что в нем за что-то все еще держалась жизнь, которая отчаянно хотела прямо сейчас вырваться и покинуть его. Но ведь за окном метель, а еще мороз – не меньше десяти градусов, а то и больше, к тому же на ней цепи... Как эта женщина вообще сюда добралась? И главное – откуда?

- У нее кровь, - испуганно проговорил мальчишка.

- Вижу, - сохраняя хладнокровное спокойствие, помогающее принимать верные решения, ответил отец.

- У нее на руках раны до мяса, - снова тревожно, дрожащим голосом сказал Ваня. – И эти раны... Они, кажется, обморожены...

- Да, посмотри: все края ран выглядят как мясо из морозильника, - сказал отец, осторожно укладывая бессознательную девушку. – Ноги, вероятно, тоже обморожены. У нее все стопы в крови, их как будто наждачкой счесали...

- Кровь течет еще и с лодыжки, смотри, - показал Ваня.

Сергей стоял у открытой задней двери своего автомобиля. Его свитер подскочил вверх, оголив поясицу, на которую нещадно наметало ледяным снегом. Жена, нервничая, желая хоть что-то сделать полезное, пыталась натянуть этот свитер на место и то и дело смахивала растаявший на голой спине мужа снег. Она сама была лишь в теплой кофте и джинсах, ветер продувал одежду, но холодно ей не было: всем им от волнения и шока было жарко. Всем, кроме той, что лежала теперь рядом с подростком, спешно укрывающим ее верхней одеждой родителей и его собственным пуховиком.

- Ваня, садись возле отца, - командовала мать, - я сяду с ней сзади. Бегом! Давай! Сережа! Забей в навигаторе ближайшую больницу или пункт скорой помощи. А еще лучше вызови скорую, пусть едут нам навстречу. И включи печку посильнее! Ну что ты, что ты, - гладила она по мокрым, грязным рыжим волосам дрожащую девушку, - как же так? Откуда ты? Что с тобой случилось?

- Мама, - крикнул Иван, стоя рядом с машиной и вглядываясь вдаль – в поле, что было по правую сторону от дороги, - там следы. Вон, видно, их еще не замело: кровавые следы. Она пришла оттуда.

- Как же ты дошла, милая моя? – плакала женщина. – В такую метель, в такую пургу! Как ты вообще выжила?!

Ваня сделал несколько фотографий на свой телефон, хоть метущий снег и значительно ухудшал качество кадров, после чего спешно сел в машину. Тело девушки было ледяным. В длинных, свалявшихся комком рыжих волосах таял снег, ломаные, грязные ногти, казалось, были синего цвета, как и сухие, потрескавшиеся до крови губы, кожа на которых торчала белыми лохмотьями. Замерзшую незнакомку трясло так сильно, что женщина, на чьих коленях лежала теперь ее голова, заплакала, боясь, что несчастная сейчас умрет у нее на руках. Но вдруг случилось невероятное: девушка приоткрыла глаза, а ее обветренные, пересушенные губы зашевелились.

- Говори, говори! – женщина склонилась над ней, стараясь не плакать и даже не дышать, но ничего не расслышала: девушка шептала слишком тихо, а муж и сын в этот момент обсуждали, по какому номеру можно дозвониться до скорой. – Заткнитесь оба! – закричала на них жена и мать. – Повтори, дорогая, повтори...

- Маша, - еле слышно хриплым шепотом произнесла девушка. – Маша...

Глава 1

Такой ярко-голубой цвет у неба увидишь нечасто, но именно таким оно ей сейчас и виделось. Казалось, этот цвет даже ненастоящий: искусственный, созданный человеком путем подбора различных красок. Нет, все же это не небо, оттого и цвет такой неестественный. Да и вообще это не голубые оттенки – как она могла такое подумать? Это же просто свет: яркий свет, который бьет в глаза до боли, не позволяющей открыть веки. Но веки все же не сомкнуты, кажется, они даже иногда медленно опускаются и так же медленно поднимаются обратно. И все же яркий свет не уходит, даже в ту секунду, когда веки опущены. И снова мимо, и снова показалось: это вовсе не свет. Это туман. Он застлал собою все, как пеленой. Странно: как можно было спутать туман с небесной голубизной или яркими лучами света? На самом деле все вокруг заволокло серой паутиной, серой дымкой, не позволяя разглядеть, что же там рядом происходит. И нет, кажется, эта дымка не снаружи – она в ней. Она не в пространстве, она в голове. Она на глазах, она внутри глаз, поэтому моргание, пускай и такое медленное, эту дымку, этот туман прогнать никак не может.

А потом пришел звук: резкий, острый, словно кто-то вбивает сразу в оба виска длинные, ржавые, но все же острые гвозди. Почему ржавые? Потому что сквозь туман зрение уловило что-то металлическое, покрытое ржавчиной, и сознание тут же применило этот факт совершенно в неуместной, немыслимой фантазии.

За звуком пришла боль: тупая, острая, точечная, всеобъемлющая. Ее было невозможно описать: не болело ничего, и в то же время болело все одновременно. Чугунные руки, казалось, не поднять уже никогда, но почему же в таком случае внутри ощущение легкости, воздушности, словно тело весит не шестьдесят килограммов, а от силы два-три? Казалось, оно сейчас взлетит подобно воздуху, однако руки якорем все же тянули вниз, и никакой подъемный кран их бы сейчас не поднял. А еще голова... Как можно описать воздушный шар из чугуна? – невозможно. И все же ощущение было именно таким.

Наконец, медленно проанализировав все ощущения, она пришла к выводу, что с ней происходит что-то совершенно ненормальное, что-то противоестественное, что-то, к чему она не готовилась, и, соответственно, этого произойти не должно было. Она постаралась зажмурить веки, надеясь, что туман так хоть немного отступит, а затем медленно раскрыла их. Туман не отступил, но стал рассеиваться, а за ним постепенно уходил и звон в голове: ржавые гвозди медленно извлекали из висков. Так ей казалось.

- Проснулась? – послышался незнакомый мужской голос. Нет, знакомый. Она слышала его. Вероятно. Может быть. Или нет? Ведь мы слышим незнакомые голоса каждый день... - Голова болит?

Она застонала, попыталась коснуться рукой головы, но та по-прежнему была из чугуна и подниматься отказывалась. А еще новый звук – глухой лязг цепи. Цепи, которая, как выяснилось, тянулась от одной руки к другой, а после – к стене. А вот и ржавчина обнаружилась: бортики старой кровати, некогда выкрашенные белой краской, были почти полностью покрыты ржавчиной.

- Молчишь... - произнес мужской голос. – Ничего, пройдет. А как пройдет, я добавлю еще. Или убавлю... Поглядим. Привыкай. Так ты будешь спокойнее и не сможешь меня покинуть. Да, Машуль?

Она слышала в голосе ухмылку, смешок, который, как ни странно, не показался ей злым. Она пересилила тяжесть, медленно повернула голову, которая все еще по ощущениям была чугунным шаром, заполненным воздухом, и взглянула на высокого мужчину, что стоял рядом со ржавой кроватью. Нет, он не был ей знаком, по крайней мере в том его облике она не смогла его узнать: обычный спортивный костюм небесно-голубого цвета, черная кепка, из-под кото-

рой выглядывала лишь часть головы с коротко стриженной прической, солнцезащитные темные очки и медицинская маска. Зачем ему маска? Вряд ли он чем-то болеет или же боится заразиться: очевидно, что он скрывает лицо, а это дает хоть небольшой, но шанс на то, что он отпустит Машу. Но тут же в ее сознании всплывает главный вопрос, который она и пытается озвучить онемевшими губами:

- Где я и зачем?

Он присел на ржавую кровать в ногах Маши, и тогда ее взгляд уловил еще одну цепь, что шла от ее левой ноги к стене, как и цепь на руках. Ноги были голыми, а на самой Марии, как ей показалось, была надета хлопчатобумажная ночная рубашка.

- Машенька, - сказал незнакомец и нежно коснулся своею теплой ладонью щеки и подбородка пленницы. – Ты меня не помнишь? Не узнаешь?

Девушка медленно отрицательно помахала головой. По крайней мере, ей показалось, что она так сделала.

- Зачем я здесь? – с трудом повторила она. – Где я? Кто вы?

- Глупенькая, - улыбнулся незнакомец, судя по голосу которого Маша поняла, что он был моложе ее. – Не бойся меня. Я ни за что не наврежу тебе. Ведь я тебя люблю, ведь ты моя родная сестра.

Некая внутренняя сила словно разрядом тока изнутри пробудила девушку: глаза открылись шире, дыхание участилось, туман стал рассеиваться как перед глазами, так и в сознании.

- Ты на препаратах, - голос молодого человека с заботливого сменился на серьезный, деловой. – Не думай, что твоя слабость – это временное явление. Да, конечно же, первый раз самый тяжелый, к тому же я был вынужден дать тебе слишком много, но это только первый раз. Потом чего-то немного добавим, чего-то урежем, стабилизируем твое состояние и подберем оптимальную дозировку.

- Зачем? – все еще вяло проговорила Маша. – Зачем вы со мной это делаете?

- Чтобы ты больше не сбежала от меня, - он снова заулыбался. Она не видела его улыбку, но слышала ее в его голосе. – Я слишком долго тебя искал. Больше я ошибок не допущу, я не потеряю тебя. Знаешь ли ты, сколько в нашей окрестности живет тридцатилетних рыжеволосых Марий? А мне еще нужно было проверить тех, кому только двадцать девять лет и на всякий случай тех, кому уже исполнился тридцать один год. Прости, моя оплошность: я не помню точной даты твоего дня рождения. Помню только, что обычно, когда мы тебя поздравляли, на улице было тепло, и ты, кажется, на семь лет меня старше. Итак – месяц назад тебе стукнуло тридцать.

- Вы ошибаетесь, - более бодро проговорила Маша, стараясь не паниковать и не плакать. – Я не ваша сестра. У меня нет брата и никогда не было. Я одна у мамы. Вы меня с кем-то путаете.

Он снова усмехнулся, опустил голову вниз, затем опять поднял взгляд на девушку: она не видела его глаз за очками, но чувствовала, как он смотрел на нее.

- Я отчасти верил этим же словам, сказанным мне другими до тебя, - сказал он. – Здесь же, на этом самом месте. Они идеально подходили под те данные, что у меня были, но почему-то я верил им, когда они мне говорили, что они – это не ты. Нет, разумеется, я их не отпускал, ведь мне нужно было продолжать твои поиски, а они бы заявили в полицию, меня бы рано или поздно нашли, и тогда у меня не осталось бы шансов на встречу с тобой. Но ты... Я думаю, ты просто забыла меня. Конечно, это странно, ведь тебе было двенадцать: ты не могла забыть всего. И все же я помогу тебе вспомнить меня.

- Вы ошибаетесь, - повторила Маша, изо всех сил сдерживая слезы, и до истерики, что уже желала заявить о себе, не доводила. – Вы же сами говорите, что в округе очень много женщин моего возраста с моим именем. К чему мне обманывать?

- Из страха, - уверенно ответил незнакомец. – А еще из чувства стыда. Тебе стыдно, ведь так? Я уверен, что тебе совестно за твой поступок, но я хочу, чтобы ты знала: я прощаю тебя. Я слишком тебя люблю, чтобы всю жизнь нести в сердце обиду.

- А что стало с другими? – Маша облизала странно пересушенные губы. – Другие Марии... Что с ними?

- Неважно, - незнакомец встал с кровати. Ржавая сетка под матрасом противно скрипнула. – Они – не ты. Какая разница, что с ними стало? Я добился своего: ты же теперь со мной.

- И что дальше? Вы будете держать меня здесь?

- Разумеется, - сказал он это с такой уверенностью, будто это самое логичное решение из всех существующих. – Какие еще могут быть варианты? Много лет назад я утратил сестру, много лет я искал ее и вот, наконец, нашел. Разве могу я теперь отпустить тебя, чтобы снова потерять? Я же не дурак: до тех пор, пока ты неверишь мне, и я не буду убежден в твоём нежелании мне мстить за эти неудобства, я очень рискую. Не думай, что у меня какие-то психические отклонения, и я не отдаю отчет в своих действиях. Вполне отдаю. Я прекрасно понимаю, что, отпусти я тебя сейчас, ты тут же побежишь в полицию, а так как я уверен, что ты это ты, то ты и имя мое наверняка помнишь, а потому меня очень быстро найдут и надолго закроют. А, может быть, и навсегда.

- Если ты думаешь, что я знаю тебя, - голос Маши был уже более ровным, туман отступил окончательно, но слабость и головокружение остались, а еще она поняла, что нет смысла играть в приличие и обращаться к своему похитителю на «Вы», - то отчего прячешь лицо?

Он глубоко вздохнул, после чего рассмеялся.

- Ты и правда не помнишь, где нас с тобой свела сама судьба? – рассмеялся он. – Это удивительно! Я сразу узнал тебя! Ну да ладно. Лица я своего тебе пока не открою. Несмотря на то что я уверен, что ты и есть моя сестра, я повторюсь: с головой я дружу. Я не враг себе.

«Не похоже», - подумала Маша, но вслух не сказала.

- Если мы с тобой уже встречались, и я тебя тогда не узнала, не значит ли это, что я права, и мы с тобой не родственники?

- Отнюдь, - ухмыльнулся он. – Мне было пять. Я был маленьким, щупленьким, с черными кудряшками. Они мне достались от нашей матери. У тебя были длинные рыжие косы – тебе они передались, насколько я помню, от твоего отца. Ты сама мне это говорила. Да, напомним: отцы у нас разные. Но мать-то одна.

- Моя мама умерла, - прикрыв глаза, устало произнесла Маша.

- Да, твоя мама умерла, - подтвердил незнакомец, - как и моя. Восемнадцать лет назад. Та, что ты называла матерью последние годы, на самом деле матерью тебе не была, и ты это знаешь не хуже меня.

- Господи, что за бред, - раздраженно и в то же время устало проговорила Маша, закрыв лицо руками, и в этот момент она ощутила болезненное натяжение от металлических браслетов.

- Заметила? – снова ухмыльнулся он. – А теперь перейдем к делу, мне скоро нужно уходить... Сбежать не пытайся – бесполезно. Только поранишься. Вырвать цепи тоже невозможно: я лично испробовал. Да и другие до тебя тоже... Анкеры проходят через всю стену и надежно фиксируются с обратной стороны. Руки твои соединены общей цепью: когда натягиваешь одну сторону, другая уменьшается. Впрочем, руками тебе особо делать ничего не придется. С ногами иначе: я зафиксировал только одну ногу, чтобы ты могла беспрепятственно дотягиваться до ведра, которое сейчас стоит под кроватью. Там же рядом лежит и упаковка туалетной бумаги. Средства личной гигиены, которые нужны женщинам, тоже там – под кроватью. Я не знал, когда именно они тебе понадобятся, поэтому приготовил заранее. Стой! – прикрикнул он, когда Маша хотела заглянуть под кровать, - позже ознакомишься, когда я уйду. Рядом с тобой на полу стоит бутылка с водой и еда. Голодать не будешь, но и изысков не обещаю. Мне

важно, чтобы твой организм получал питание, не более того. Повторюсь: в тебе сейчас препараты, которые, я думаю, ты ранее никогда не принимала. На больного человека они бы влияли терапевтически и улучшали бы его состояние, с тобой же будет все иначе. Не волнуйся, доза подобрана верно: ты не умрешь. Я не хочу тебя терять. Больше не хочу. Я верю, что однажды ты поймешь меня и примешь. Но учти, что я долготерпелив. Мне некуда спешить. К тому же здесь время на моей стороне: можешь не утруждаться и не кричать, можешь не пытаться привлечь чье-то внимание. В округе никого. Только полевые мыши да пауки. Если нужно будет, ты и зиму здесь проведешь. Сейчас тепло, одеяла нет. Насчет отопления тоже не волнуйся: я все предусмотрел, к тому же до тебя здесь уже зимовали. Недолго, что правда, но все же...

- И что ты с ними сделал? – прикрыв глаза, тихо спросила Маша. В голове снова загудело, к горлу подступала тошнота. Спорить с этим ненормальным смысла, по всей видимости, не было, лучше уже дожидаться его ухода и тогда спокойно оценить общую ситуацию и свои шансы на освобождение. Вот только бы не мутило...

- Ты привыкнешь к этому состоянию, - ответил молодой человек, видя, что Маше плохо. – Увы, это необходимая мера. Мне ни к чему твоя способность здраво мыслить, ни к чему наличие у тебя здоровой, физической силы. Прости, но я предельно честен с тобой: я не могу допустить твоего побега. Но я дождусь, когда ты уже сама не захочешь от меня сбежать.

- Или не смогу... - пробурчала себе под нос Маша. Он лишь ухмыльнулся в ответ.

- Я буду навещать тебя почти каждый день, - сказал он. – В те дни, когда я буду вынужден пропускать визит, у тебя будет дополнительная порция воды и провизии. Не переживай.

- Ты убил их, ведь так? – приоткрыв глаза, спросила девушка.

- Они мне не родные, - после недолгой паузы ответил незнакомец. – Самозванки. Ты моя сестра. Больше никто.

Маша с большим усилием выдавила из себя ироничный смешок, замахала головой, из-за чего та закружилась еще больше.

- Я не твоя сестра, - сказала она.

- Машуль, - он снова подошел к ней вплотную, снова коснулся ее щеки, - пойми, - прошептал он ей на ухо, - в твоих интересах, чтобы я так думал.

Поцеловав ее в щеку, незнакомец вышел из дома. Она слышала, как скрипнули ржавые петли входной двери, слышала отдаляющиеся шаги за окном. Застекленное грязными стеклами окно было забито досками снаружи, однако сквозь щелки совсем немного попадал солнечный свет. Чуть дальше было еще одно грязное окно, и оно забито не было: через него света в эту большую комнату попадало намного больше, благодаря чему в помещении и было светло. В помещении... Но в каком? Что это за место? Где оно находится? Маша верила этому ненормальному, верила той части его рассказа, где он говорил о «других», говорил о невозможности сбежать и о том, что в округе нет ни единой живой души, что могла бы прийти на помощь.

Она посмотрела на свои руки и на цепи, что от них тянулись: на каждом запястье был тяжелый железный наручник, от которого шла одна общая длинная цепь, проходившая через широкое кольцо, прикрепленное к стене у самой кровати. Длина этой цепи, а также той, которая крепилась к левой лодыжке, позволяли, как и говорил тот псих, пересечь с кровати на ведро, которое Маша уже достала из-под кровати. Но не более. Возможности отойти даже на полметра у девушки не было.

Далее она изучила кровать, к ножкам которой были приварены металлические толстые пластины, прикрепленные к деревянному полу анкерами. Можно попробовать раскачать... Хотя, подумала Маша, он наверняка и это предусмотрел. На старой кровати со ржавыми спинками и ржавой сеткой лежал вполне современный матрас, однако новым он определенно не был. «Другие», по всей вероятности, лежали на нем и до Маши. «Другие Маши», мысленно поправила она сама себя, понимая всю абсурдность и в то же время всю жестокую реальность ситуации, в какой оказалась.

Комната... Маша была права в своих догадках: она находилась в старом заброшенном доме, вероятно, служившем некогда чьей-то дачей или же жилищем деревенских стариков, чьей деревни, как и их самих, давно уже нет в этом мире.

А дом есть, и он чудом сохранился. Время его, разумеется, не пощадило: облезлые полы, оборванные, давно выцветшие обои, какие никто не клеит уже лет пятьдесят, провисший от сырости потолок, из которого так же, как и кое-где из стен, торчали доски, и на котором расплзалось огромное грязное, сырое пятно. Подоконников у окон не было, а сами окошки были очень маленькими. Дверь была относительно новой: нет, она не выглядела современной, но и совсем на ветхую не походила. Тем более замок: Маша видела замочную скважину, и та была однозначно установлена недавно.

Под кроватью Мария нашла все, о чем тот ненормальный ей говорил, а справа от кровати на полу стояла пластиковая литровая бутылка с водой и металлический контейнер, открыв который, Маша обнаружила в нем два бутерброда: белый хлеб, вареная колбаса и сыр. Почему еда хранилась именно в металлическом контейнере, девушка поняла уже спустя несколько минут, когда увидела в комнате первую мышь.

Место было заброшенным. Здесь явно давно никто не жил в том понимании жизни, какое приходит на ум обычным людям. А вот сколько девушек здесь были запертыми, встретив, вероятно, в этих стенах смерть... Маша даже не хотела об этом думать.

Она привыкла мыслить аналитически. Холодный ум – то, что помогало ей в работе, и то, что мешало завести отношения. Первое, что она стала анализировать, это свои последние часы на свободе: после работы она поехала в дом матери, которой не стало немногим меньше года назад. Маша дважды в неделю заезжала туда, чтобы полить цветы, планируя в скором будущем продать дом вместе с ними – в собственном доме у Маши не было ни одного комнатного растения, как не было их и в ее комнате в доме матери, когда она здесь жила. Каждый раз, как бы она ни спешила, она садилась в кресло, где всегда сидела ее мама, с грустью проводила рукой по протертому подлокотнику и даже позволяла себе скупую слезу. Рыдать Мария себе практически никогда не разрешала, ссылаясь на безупречный, хотя и совсем неброский макияж. На самом же деле девушка с детства привыкла прятать свои настоящие эмоции, порой даже замещая их искусственными, лишь бы не выдать окружающему миру истинную глубину своих чувств – как теплых, так и совершенно ледяных.

И все же ностальгия и грусть в доме матери брали верх над годами тренированным самоконтролем: Маша просто знала, что ее никто не видит.

Итак. Она полила цветы, сходила в туалет, смыла воду, вымыла руки, перекрыла счетчик, опустила тумблер в распределительном щитке: одни и те же действия она повторяла вот уже восемь месяцев дважды в неделю. Окна были зашторены, шкафы пусты, мягкая мебель, кроме потертого старого кресла, – накрыта простынями. Все, как всегда. Маша вышла из дома, прошла по двору к калитке, вышла за ворота, закрыла их на замок. Машина стояла снаружи – во двор заезжать нужды не было. Она села в машину, завела ее и...

Больше она ничего не помнила. Выходит, тот, кто ее похитил, находился в машине. Значит, он следил за ней раньше. Ну, разумеется, следил, ведь она неслучайная жертва. Ее имя Мария, ей тридцать лет, и у нее рыжие волосы – этот идиот искал именно ее. А еще всех тех несчастных, кто был до нее и кто, как и сама Маша, увы, идеально подходил под это описание.

Ладно. С этим потом. Как он попал в машину? Когда? На улице, где находится дом матери, могут быть камеры. Вероятно, похититель это предусмотрел, значит, он должен был пробраться в машину раньше и остаться незамеченным. Но она бы поняла, что он там. Или нет? Выходит, когда Маша завела машину, незнакомец каким-то образом лишил ее сознания, и, судя по тому, что он говорил ей о психотропных препаратах, он, вероятнее всего, всадил в нее лошадиную дозу транквилизатора. Маша в этом совершенно не разбиралась, а вот ее

«новый друг», по всей видимости, разбирался хорошо, что значительно сужало его поиск и поиск его принадлежности в социуме.

И снова мысли пошли не в ту сторону: ей не нужно было сейчас его искать, не нужно было узнавать, как он оказался в ее машине, и кто он вообще такой. Он и так практически все сказал сам: он брат некой Маши, связь с которой утратил в детстве. А еще он сказал, что его старшей сестре при их расставании было двенадцать лет, выходит, он не видел ее восемнадцать лет. Сам он был еще меньше: он упомянул, что был на семь лет младше сестры, а, значит, ему было пять. Так что же должно было произойти с пятилетним ребенком такого, чтобы он не просто запомнил это на всю жизнь, а, став взрослым, решил отыскать свою сестру, и, наконец, найдя ее, запереть в старой хибаре и пичкать не пойми чем?

Маша снова осмотрелась: голова кружилась, но это, к счастью, больше влияло на зрение, чем на способность мыслить. Она попыталась поерзать на кровати, но та, ожидаемо, не двигалась. За дальним, грязным окном неумолимо темнело, а Маше совершенно не хотелось оставаться здесь одной в темноте. Но тогда она еще не знала, что была там не одна...

Понимая, что вот-вот наступит ночь, она достала приготовленные ей бутерброды и под урчание желудка охотно их съела, заметив все же некий посторонний привкус. Почуввав запах еды, активизировались мыши: Маша слышала, как они шуршат под полом, слышала скрежет их зубов, слышала писк и топот маленьких лапок. Но с каждой секундой все эти отвратительные звуки становились все тише и тише – она засыпала, понимая, что этот сон отличается от нормального, обычного сна от усталости. Ей бы не хотелось сейчас спать, ей нужно думать, нужно искать выход. Но руки снова стали чугунными, веки налились свинцом, а голова превратилась уже не в полый шар, а в неподъемное ядро из пушки, которое, казалось, вот-вот взорвется.

- Спи... - прозвучал чей-то незнакомый женский голос. – Засыпай, дурочка. Попалась, да? Как мышка в мышеловку...

- Кто здесь? – сонным голосом пробормотала Маша. Ее глаза были уже немного прикрыты, а она отчаянно пыталась разглядеть ту, что с ней говорила. – Кто ты?

- Другая, - насмешливо проговорил голос. – Другая...

Маша уснула, хотя вернее будет сказать – отключилась, потому что то, с какой скоростью ее сознание провалилось в забытие, обычным процессом засыпания назвать нельзя было. И вот она уже стоит в своей комнате и смотрит на себя в зеркало: ей снова двенадцать, на ней красивое белое платье, которое купила ей мама. Мама стоит рядом и любит свою принцессой, а Маша, как всегда, проявляет минимум эмоций.

- Спасибо, - сдержанно сказала она маме и насилу улыбнулась.

- Тебе не нравится? – удивилась мама.

- Нравится, очень нравится, - ответила Маша. – Но он все равно меня переоденет.

- Кто? – спросила мама.

- Он.

Маленькая Маша обернулась и показала пальцем в сторону дверного проема, где стоял тот, что похитил ее: высокий, в спортивном костюме, кепке и медицинской маске. Он был без очков, и девочка видела его глаза. Она знала их, она уже смотрела в них раньше.

Снова повернувшись к зеркалу, она не увидела больше в отражении ни маленькую себя, ни маму, ни ее дом. За ее спиной в высоком грязном треснувшем зеркале теперь отражалась большая комната старого, заброшенного дома. Сама же Маша снова была взрослой: она стояла босыми ногами на грязном полу, что ей уже само по себе было неприятно, ночная рубашка не доставала до колен, а бретели были прикрыты распущенными рыжими волосами. Но, подняв взгляд вверх, Маша заметила в отражении еще кое-что: веревку, что свисала с потолка и медленно раскачивалась. Сделав небольшой шаг вбок, девушка охнула, но не закричала, и все же ей действительно стало страшно: прямо за ее спиной на месте, где, вероятно, когда-то висела люстра, теперь висело тело повешенной рыжеволосой молодой женщины в грязной

ночной рубашке – такой же, как и на самой Маше. Пытаясь сохранить самообладание, Маша, тяжело дыша, глядела в зеркало на повешенную, разглядывая черты ее лица. Вдруг мертвая девушка открыла глаза и, глядя в Машино отражение, прохрипела ей:

- Проснись.

Маша, словно беспрекословно подчиняясь жуткому наваждению, открыла глаза. В комнате было темно, запястья болели от тяжелых металлических оков, левая нога и вовсе затекла.

- Выпалась? – послышался тот же голос из темноты.

Маша резко села на кровати и стала инстинктивно вжиматься в угол. Цепи зашумели, но этот шум перебил смех.

- Ты и правда мышка, - смеялся голос незнакомки, - как те, что бегают вокруг тебя в этом доме: забиваешься в угол, не понимая, что так тебя проще поймать.

- Меня уже поймали, - ответила Маша, чувствуя, что в голове потихоньку прояснялось.

- Ох, привыкай, - сказала девушка из темноты, - это будет часто. Вернее, все время. Я про тошноту, про головокружение, про галлюцинации... Хотя я не видела других, как ты. Мне не было это дано. Мне мерещился всякий бред: я то и дело наблюдала, как жуткие существа вылазят из подпола этого дома. Такие маленькие, грязные, мерзкие, лысые, с длинными, острыми когтями и черными дырами, вместо глаз...

- А ты? Ты тоже галлюцинация? – спросила девушку Маша. – Ты мне кажешься, верно? Тебя на самом деле нет?

- Меня нет, - ответила та, слегка усмехнувшись, - но я тебе вовсе не кажусь.

Маша прищурилась и увидела, что в дальнем углу комнаты действительно кто-то стоял. Из забытого окошка в дом попадало совсем немного лунного света – недостаточно, чтобы что-то разглядеть, но достаточно, чтобы заметить чье-то движение.

- Тебя же зовут Маша, верно? – спросила незнакомка, медленно подходя к кровати. – Неудивительно... Этот чокнутый помешан на рыженьких, исключительно на Машах.

- Ты давно здесь?

Девушка рассмеялась и села на кровать. Пружины под ней не скрипнули.

- Давно... - протяжно сказала она. – Смотри...

Она склонилась к Маше, и та смогла увидеть ее в темноте, насколько позволяло зрение.

- Мои волосы были рыжими, как и твои, - сказала девушка, поглаживая слипшиеся грязные локоны, - мне было столько же, сколько и тебе. Я просидела в этой комнате два месяца, пока мой мозг окончательно не закипел. Появились пролежни. Появился бред. Эти жуткие галлюцинации... Судороги... Не знаю. Вероятно, они тоже были. Я не помню. А потом я перестала есть. Специально, чтобы мне хватило ясности сделать то, что я задумала.

- А что ты задумала? – спросила Маша.

- Ты и так знаешь, - усмехнулась девушка. – Но я не учла, что без еды у меня не хватит физических сил. Когда он понял, что я не его сестра, я знала, что мне осталось недолго. Я высчитала его рабочий график: когда он работает сутки, здесь он не появляется два дня. Затем три дня он приезжает каждый день. Я должна была успеть. Я не знала, как именно он хотел от меня избавиться, но я решила, что не позволю ему и сделаю это сама.

- Ты повесилась? – прямо спросила Маша.

- Нет, - ответила та. – Неужели ты думаешь, что, если бы я добралась до середины комнаты, чтобы повеситься, то я не добралась бы и до окна, чтобы сбежать? Нет... Я решила задушить себя прямо здесь, на кровати. Имей в виду: это возможно, но ты успеешь передумать. Я не успела: он пришел раньше. Наверное, у него был отпуск... Он разозлился, сам накинуд на меня петлю и натянул веревку. У меня была всего лишь простыня, у него – целая веревка. Зря я не ела перед этим: лучше бы это все произошло, пока я была напичкана этой его гадостью. Но я все чувствовала, я все помню...

- И все же тебя здесь не может быть. Это все та дрянь, которая была в еде. Это из-за нее я тебя вижу.

- Думай как хочешь, - сказала девушка. – Мне-то уже что? На моих руках оков нет, я больше не боюсь его прихода, мне не страшно пить воду или есть то, что он приносит с собой. Меня даже не пугают больше мыши и пауки, к которым ты, кстати, скоро привыкнешь. Но я и уйти не могу: я все еще прикована к этому дому невидимыми цепями. И не я одна...

- Сколько вас?

- Вас? – расхохоталась «другая» Мария. – Дурочка... Правильно говорить: «нас», ведь ты теперь очередная мышка в этой конвейерной мышеловке.

- Я выберусь отсюда, - уверенно сказала Маша.

- Я говорила так же... Эта детская наивность быстро тебя покинет.

Вдруг над головой послышался шорох: казалось, кто-то ползал по чердаку, кто-то, кто был намного больше мышей. Маша снова поежилась, снова стала вжиматься в стену, не сводя глаз с потолка. Ей ничего не было видно, но помутненное нейролептиками сознание само дорисовывало то, что ему хотелось, или же, наоборот, не хотелось там увидеть: Маше представлялось, как по чердаку ползает еще одна «другая», которую тот ненормальный закрыл там и все еще держит на цепи.

Боковым зрением среди черных силуэтов в темной комнате Мария вновь заметила какое-то движение. Посмотрев в ту сторону, она увидела, как в центре комнаты что-то черное, нависая над полом, раскачивалось в разные стороны, и Маша прекрасно знала, что это. Вернее, кто. Вот только она заставляла себя верить, что все это последствие неизвестных ей психотропов, которыми ее накачал тот псих. Но та, что висела в петле, раскачиваясь по комнате, стала вдруг громко смеяться, рыдая сквозь свой истеричный, жуткий смех.

- Тебе не выбраться отсюда, - хрипло проговорила она сквозь хохот и слезы. – Мы все здесь останемся навсегда... Мы всего его мышки-Машки...

Глава 2

Мария не спала. Обнимая колени, она сидела на кровати, то и дело безрезультатно дергая цепи: ничего, кроме ссадин и синяков на запястьях и ноге, она не добила. Голова болела, но ум был ясным. Взгляд постоянно обращался к потолку – туда, в центр комнаты, где из гнилых досок торчал металлический ржавый штырь, затем – чуть дальше, к грязному, сырому пятну в углу. Мыши почти безостановочно бегали по полу, то и дело заставляя Машу вздрагивать.

Послышались шаги, кто-то прошел рядом с домом у небольшого окна, своим телом на мгновение прикрыв солнце, что в него светило. Она знала, кто это, но все же надеялась, что ее обнаружит случайный прохожий, проезжий, сосед, ремонтник или даже заблудившийся турист – кто угодно, лишь бы другой живой человек: не чокнутый, не желающий ей зла и не считающий ее своей сестрой. Щелкнул замок, скрипнули петли, и в закрытое помещение ворвался свежий воздух – только тогда Маша поняла, насколько же в комнате, где ее приковали к стене, было затхло, сыро, и насколько здесь воняло прелью и разложением.

- Доброе утро, сестренка, - радостно произнес ненавистный ей голос. – Как спалось?

- Ты прекрасно знаешь, как мне спалось, - равнодушно, почти грубо ответила ему Маша.
– Ты же сам подмешал мне чего-то в еду.

- Ох, самую малость, - махнул рукой похититель. – Это начальная доза. Но мы сможем ее сохранить, если я не замечу за тобой никаких странностей.

- Странностей? За мной? – удивленно ухмыльнулась Маша.

- Ты аналитик, верно? – спросил молодой мужчина в медицинской маске. Кепка и очки также были на нем. – Ты наверняка проанализировала все происходящее, ведь так? Сделала собственные выводы, какие-то умозаключения...

- Разумеется, - ответила Маша.

- И какой твой вердикт?

- Ты обыкновенный псих, травмированный в детстве. Вас с сестрой по какой-то причине разлучили, если она, эта самая сестра, вообще когда-то существовала. Психом ты, вероятно, был уже тогда, раз по прошествии восемнадцати лет она ни разу не искала встречи с тобой. Однако навязчивая идея не давала тебе жить, а это уже пахнет паранойей. Подозреваю, что твой род деятельности связан с медициной, однако наличие у тебя рецептурных препаратов я могу объяснить двумя способами: первый – ты сам медик или фармацевт и попросту ворующий их, второй – и к нему я склоняюсь больше – ты являешься пациентом врача-психиатра, рассказываешь ему о галлюцинациях и прочей ереси, которой у тебя, возможно, и нет, чтобы заполучить рецепты и беспрепятственно впрок закупать те или иные пилюли. И вместо того, чтобы лечить свою больную головушку, ты кормишь этой дрянью рыжих тридцатилетних девиц, называя их притом сестренками. Почему я склоняюсь к этому варианту? – тебе неведомы эмпатия, сочувствие, жалость, сострадание. Ты психопат, который может убить женщину, причем не просто убить, а предварительно доведя ее до безумства, медленно издеваясь над ее разумом и телом. Одного я не могу до конца понять: зачем ты прячешь лицо? Ты стесняешься себя? Вполне вероятно. Ты жаждешь найти сестру, но при этом считаешь, что она в этой жизни достигла куда большего, чем ты, а потому прячешься, ведь, если ты прав, и я действительно тебя когда-то и где-то видела, вероятно, вспомнив нашу встречу, я пойму, что ты ничего из себя не представляешь, а потому ты будешь мне совершенно неинтересен. Скажи, я права?

Он сидел рядом с ней на кровати и медленно хлопал в ладоши.

- Нет, - после короткой паузы ответил он, прекратив хлопать.

- И вот именно сейчас ты весьма неумело лжешь, - ухмыльнулась Маша.

- Я не знаю, почему лжешь ты, - возмущенно сказал молодой человек. – А ты лжешь. Ты узнала меня, ты вспомнила меня – я это видел по твоим глазам. Не сейчас – еще вчера.

Ты помнишь меня, помнишь нашу мать. Я знаю, что ты с ней сделала, но я никому этого не говорил ни тогда, ни сейчас. Я не желал тебе зла, а потому молчал, как ты мне и велела. Но все это время, все эти годы я ждал, когда ты найдешь меня, а ты все не искала.

- Ты больной, - ответила Маша.

Она медленно повернула голову вбок, потому что ей показалось, что на полу около кровати – там, где стояло ведро, что-то ползло. Что-то, что было крупнее вездесущих мышей. Молодой человек насторожился, наблюдая за ее действиями, а Маша, медленно склоняясь к полу, забыла, кажется, что она здесь не одна.

- Рука... - проговорила она и, опустив голову вниз, чтобы заглянуть под свою кровать, закричала на весь дом: впервые с того момента, как здесь оказалась.

- Что там? – недовольно и злобно спросил ее тюремщик, вскочив с ее постели. Маша же снова забилась в угол кровати и, трясаясь и дрожа от страха, обняла свои колени.

- Что ты со мной сделал? – кричала она. – Там – она!

- Кто она?

- Другая...

Рассмеявшись, молодой человек наклонился, заглянул под кровать, и, ничего не увидев, взял ведро.

- Пойду вылью. Не волнуйся, можешь меня не стесняться. К тому же ты не первая, за кем я выношу ведра. Ты хотя бы мне родная, не то, что они...

- Но я видела под кроватью рыжую девушку, - против собственной воли говорила Маша, не имея сил замолчать. – Мертвую.

- Нельзя делать большой перерыв между приемом лекарств, - вздохнул похититель. – Потерпи пять минут. Вернусь, решим этот вопрос.

Маша проклинала себя: она дала волю чувствам, она закричала, а потом и вовсе чуть не расплакалась. Нельзя. Нельзя показывать кому-либо свою слабость, тем более ему. Но она испугалась. Испугалась до смерти, как не было уже очень давно. Она отчетливо видела рыжеволосую девушку с мертвенно-бледной кожей, чье тело было сложено под кроватью так, как складывается кузнечик. Она видела ее круглые глаза, которые смотрели прямо на Машу и в которых не было жизни. И сейчас Маша была уверена, что мертвая рыжая девушка все еще сидит под ее кроватью, и именно ее рука тогда и показалась, а, значит, та нарочно сделала это.

- Я схожу с ума, - пробурчала себе под нос Мария. – Он напичкал меня этой дрянью, и теперь я схожу с ума.

- Не дрянью, а лекарствами, - послышался голос, и Маша, обратив взгляд к двери, увидела, что та была открыта. – Я здесь и все слышу. Это не дрянь. Это аптечные препараты, ничего запрещенного. Я не стал бы тебя травить всякой гадостью.

- Я вижу то, чего нет, - злобно проговорила Маша. – Ты и так посадил меня не цепь. Прошу, пожалуйста, не нужно лекарств. Я не убегу, ты же знаешь. Я просто не хочу видеть то, что вижу.

- Лекарства давать не перестану – я не понаслышке знаю, на что ты способна... Говоришь, что-то видишь? А что именно ты видишь? – с интересом спросил молодой человек, снова усаживаясь на кровать.

- Я видела повешенную девушку, - сказала Маша, решив, что терять ей уже нечего, и можно смело признаться в своих видениях.

- Повешенную? – удивился похититель.

- Да, - утвердительно ответила Мария.

После недолгого молчания молодой человек расхохотался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.